

3(05)
P-60

С С С И С К И Й
И С Т О Р И Ч Е С К И Й Ж У Р Н А Л

РОДИНА

11 | 2008

ГРУЗИНСКИЕ
АГРЕССИИ 1918-2008

НЕ РАССТАНУСЬ
С КОМСОМОЛОМ?

РОССИЙСКОМУ
ВОСТОКОВЕДЕНИЮ —
190

УЧЕБНИКИ
СО СТАЛИНСКИМ
ПРИЩУРОМ

УДМУРТИИ — 450

МОСКОВСКОМУ
ТРОЛЛЕЙБУСУ — 75

Николай ТРЕТЬЯКОВ,
кандидат исторических наук

БУРНЫЙ ГОД ТИХОЙ ГАТЧИНЫ

В первые два десятилетия XX века Гатчина была тихим, чистым и уютным городом дворцового ведомства. В городе предпочитали жить отставные военные, художники, писатели. Многих из них привлекали красоты известных тогда и в Европе гатчинских парков, в одном из которых располагался самый большой загородный императорский дворец.

Гатчинский дворец несколько раз фигурировал в российской истории. Сначала в эпоху Павла I — «русского Гамлета», затем при Александре III — якобы «военнопленным» революции¹ — как называл его Карл Маркс, — «заточённом в Гатчине». И, наконец, в февральские и октябрьские дни 1917 года, когда он оказался связанным с именами последнего, правда не царствовавшего, русского императора Михаила II и последнего «буржуазного» премьера России А. Ф. Керенского.

Свержение царизма и установление власти Временного правительства не привели к решению вопроса о юридической защите государством историко-культурного наследия, находившегося прежде всего в Зимнем дворце и бывших императорских дворцах пригородов Петрограда — в Петергофе, Царском Селе, Гатчине, Павловске и Ораниенбауме. Попытка Временного правительства утвердить законопроект о запрещении вывоза за рубеж произведений искусства оказалась безрезультатной².

В мае 1917 года Временное правительство издало указ об образовании в городах дворцовых ведомств художественно-исторических комиссий «для приёма, регистрации и систематизации, как с художественной, так и с хозяйственной стороны всех движимых и недвижимых имуществ бывших дворцовых управлений»³, деятельностью которых первоначально должен был руководить «Совет по делам искусств».

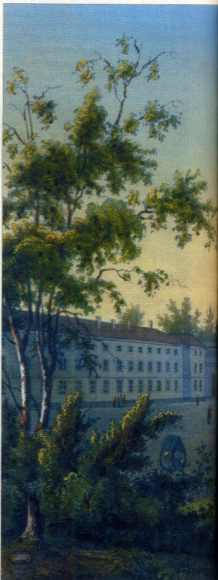
Комиссия состояла из восьми человек: три из них назначались правительственным комиссаром над бывшим Министерством двора, один был представителем государственного контроля, по два человека представляли местные общественные организации и Советы рабочих и солдатских депутатов. Однако до октябрьского переворота комиссии не

были сформированы полностью. Так, в Гатчине в неё входили начальник Гатчинского дворцового правления полковник А. Рейер, уполномоченный комиссар Временного правительства А. Голубков, директор Института истории искусства граф В. Зубов и искусствовед П. Вейнер⁴. Временное правительство санкционировало эвакуацию художественных ценностей из пригородных дворцов, указывая на то, что они являются собственностью членов царской семьи. Прежде всего из пригородов в Петроград стали свозить драгоценности бывшего царя, его супруги и детей. Помощник комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора просил служащих так называемой Камеральной части позаботиться о вывозе из Гатчины подобных вещей, в первую очередь драгоценностей вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны⁵. Так были изъяты и перевезены в Петроград а затем бесследно исчезли коллекция сицилийских монет великого князя Михаила Александровича, часть знаменитого, так называемого Мятлевского, сервиза XVIII века, изготовленного из серебра известным ювелиром Сен-Жерменом⁶. Когда об этом стало известно, гатчинский Совет рабочих и солдатских депутатов 27 июля 1917 года обратился с письмом к Голубкову с требованием прекратить вывоз имущества бывших царей, опечатать комнаты императорской семьи, поставить караул и, главное, создать депутатскую комиссию для обследования имущества императорского дворца⁷. В комиссию вошло несколько человек из исполкома гатчинского Совета⁸. Однако приступить к работе во дворце они смогли не ранее конца августа 1917 года. Впрочем, по признанию графа Зубова, до октября работа ограничивалась составлением комнатных описей⁹. Всякая творческая деятельность предполагалась только в случае объявления Гатчинского дворца музеем.

В сентябре 1917 года Временное правительство под предлогом спасения ценностей дворцов от наступления немцев на Петроград приняло решение об эвакуации художественных произведений в Москву. В Гатчине упаковали 90 ящиков бронзы, 60 ящиков фарфора, 10 ящиков картин¹⁰. Первая отправка намечалась на период между 25 октября и 1 ноября 1917

года. Своей очереди дожидались другие вещи, сгруппированные в различных помещениях дворца. Однако отправить их из Гатчины не удалось, так как произошла Октябрьская революция.

Тем не менее, как свидетельствуют документы, какой-то ценный груз в это время всё-таки был вывезен из дворца. Сохранилось письмо за подписью Голубкова, который просил «командировать в четверг, 14 сентября, в 12 часов дня, в Гатчинский дворец в распоряжение члена комиссии по приёме и охране

имущества Гатчинского дворцового управления графа В. Зубова 4 солдат, вооружённых револьверами для сопровождения ценного груза»¹¹.

27 октября 1917 года в Гатчину прибыл А. Ф. Керенский. Здесь он надеялся получить поддержку войск, подходивших с фронта к революционному Петрограду. «В Гатчине мы въехали прямо в ворота Дворца, к подъезду коменданта», — пишет Керенский¹². Здесь он узнаёт, что никаких эшелонов с фронта в Гатчине нет. Керенский идёт в квартиру коменданта и вдруг, как он сам впоследствии напишет, «повинуясь внутреннему голосу», приказывает задержать автомобиль и срочно отправляется на нём в Лугу. В чём причина такой спешки? Керенский даёт ответ. «Мы, — отвечает он, — уехали вовремя. Через пять минут после нашего отъезда во двор Дворца влетел украшенный красными флагами автомо-

биль; это члены местного военно-революционного комитета примчались меня арестовывать. Оказывается, нашлись предатели, которые известили Смольный о моём выезде в Гатчину. Из Смольного последовало распоряжение о моём немедленном задержании».

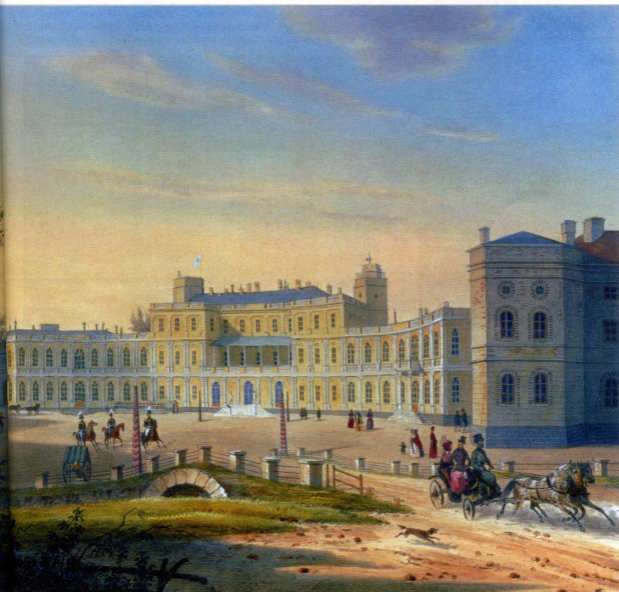
Керенскому удалось скрыться от революционно настроенных жителей Гатчины и отправиться в Псков и Остров для объединения сил контрреволюции. Ему удаётся сколотить силы 3-го конногорного корпуса, боевая мощь которого составляла всего 500 человек, к походу на революционный Петроград. «27-го на рассвете, — отмечает Керенский, — наш отряд приблизился к Гатчине... Город был

переполнен различными большевистскими войсками... Почти без выстрела и, насколько помню, без жертв Гатчина была взята... Около 4 часов дня я снова вместе со своими спутниками входил в квартиру коменданта, которую менее двух суток назад так вовремя и так счастливо покинул...» Из Гатчины Керенский пытается рассылать телеграммы с требованием высылки в его распоряжение войск с фронта. А в это время среди пока верных ему казаков 3-го корпуса разворачивают разъяснительную работу большевики.

Пытаясь использовать фактор внезапности, Керенский и П. Н. Краснов 28 октября начали наступление на Царское Село. Командный пункт Керенского располагался в главном здании Пулковской обсерватории. Именно от Пулковских высот бежал, или в «полном порядке» отошёл, генерал Краснов и около 8 часов вечера 30 октября вмес-

Дворец в Гатчине со стороны двора.

Раскрашенная литография Карла Шульца с оригинала Иоганна Мейера. Середина XIX в. Из альбома цесаревны Марии Александровны.

те с Керенским вновь въехал «в ворота Гатчинского дворца».

31 октября во дворце собрался военный совет. Большинство присутствовавших голосовало за переговоры с большевиками. Лишь Керенский и Борис Савинков заявили о своём резком несогласии с этим предложением, но с ними никто уже не считался, и переговоры начались. Ночь на 1 ноября Керенский описывает в драматических тонах: «Около 10 часов утра меня внезапно будят. Совершенно неожиданное известие: казаки-парламентёры вернулись с матросской делегацией во главе с Дыбенко. Основное условие матросов — безусловная выдача Керенского в распоряжение большевистских властей. Казаки готовы принять это условие». И так, как считает Керенский, его предали. И главный предатель, по его мнению, — сам генерал Краснов. «Выхода у меня не было, — подчёркивает Керенский. — Никаких мер личной охраны я не предпринимал. Никаких подготовительных действий на случай выезда из Гатчины не делал. Для вооружённой борь-

бы нас было слишком мало — меньше десятка. Уйти из дворца — невозможно — построенное Павлом I в виде замкнутого прямоугольника здание имело только один выход, уже занятый караулом из казаков и матросов. Пока мы рассуждали, явился один из высших служащих дворца с предложением помощи... Он знает тайный, никому не известный подземный ход, который выходит в парк за стенами этого дворца-крепости, но, чтобы пройти к этому тайнику, нужно ждать сумерек».

Нам неизвестно, кто же вывел Керенского из дворца. Ведь большая его часть — Центральный корпус с полуциркульными галереями и Арсенальное каре — из-за насыщенности огромным количеством произведений искусства не занимались ни войсками Краснова, ни революционными солдатами и матросами. Их охрану несли ещё дореволюционные дворцовые вахтёры. Возможно, что и переход из Кухонного каре в правую полуциркульную

галерею (в районе дворцовой церкви) был заложен кирпичом. Вот что писал сам Керенский в 1922 году: «Я не считая себя вправе подробно рассказать свой уход из Гатчинского дворца. Большевики ещё у власти — люди ещё живы... Я ушёл из дворца за 10 минут до того, как предатели ворвались в мои комнаты. Я ушёл, не зная ещё за минуту, что пойдю. Пошёл, нелепо переодетый под носом у врагов и предателей. Я ещё шёл по улицам Гатчины, когда началось преследование. Мои спутники, оставшиеся во дворце, все спаслись. Одни просто в суматохе, другие вечером потайным ходом — все ушли благополучно из не слишком гостеприимного дворца. Когда на автомобиле я поехал к Луге, оттуда к Гатчине подошли пехота с долгожданной нами пехотой...»

Из многочисленных мемуаров Керенского непонятно, в каком же костюме — сестры милосердия или матросской форме — он покинул дворец. Из его воспоминаний неясно, и каким ходом он воспользовался — воротами Кухонного каре или подземным ходом из подвалов

Григорий Шегаль.

Бегство Керенского из Гатчины. 1937–1938 гг.

Центрального корпуса и далее, через Грот, к берегу Серебряного озера.

Итак, именно в Гатчинском дворце была перевернута ещё одна страница нашей отечественной истории. В то время как Керенский суетливо собирает силы для отпора восстанию в Петрограде и пребывает в Гатчинском дворце, у него оказывается внимательный и заинтересованный наблюдатель. Это граф Валентин Зубов, потомок одного из наиболее известных фаворитов Екатерины II. Он был блестящим знатоком искусства. Именно поэтому ему первому Временным правительством поручается пост хранителя уникальных коллекций Гатчинского дворца — «пригородного Эрмитажа». Уже после Гражданской войны он написал воспоминания, вышедшие несколькими изданиями за рубежом. Один из разделов этих воспоминаний называется «Гатчина. Октябрь 1917»¹³. «Приближался конец октября, и все знали, что большевики выбрали 25 октября для захвата власти. Казалось, как будто только Временное правительство не имело подозрений. Верховный совет по сохранению предметов искусства, сформированный Ф. Головинным¹⁴, членом которого я был, собирался в Зимнем дворце раз в неделю. 18 октября, думаю, это была пятница, состоялось заседание, мы были почти уверены, что оно будет последним, но на закрытии решили собраться неделей позже... Мы с Михаилом Ивановичем Ростовцевым¹⁵ быстро шагали по Дворцовой набережной, обсуждая, как долго большевистское правительство возможно могло бы оставаться у власти, если бы государственный переворот достиг цели. Некоторые люди говорили, что три недели, другие — три месяца, но никто не давал им более этого... Михаил Иванович, однако, предсказывал: «Большевики получат власть и останутся у власти на очень долгое время, причинами много вреда».

«Неделей позже, 25 октября, я собирался обедать в своей квартире в Кухонном каре Гатчинского дворца, куда автомобиль, с развевающимися маленьким флагом, въехал во внутренний двор. Ожидая серьёзных событий в этот день, я не был чрезмерно удивлён, когда узнал, что пассажиром был Керенский, который бежал из столицы. Он прошёл к коменданту Гатчинского гарнизона полковнику Свистуну, который занимал несколько комнат на первом этаже дворца.

После обеда со Свистуновым Керенский уехал по направлению к Пскову на другом автомобиле. Посольская машина вернулась в Петербург. Недалеко от

Пскова стояла кавалерийская дивизия донских казаков, та самая, которая была вовлечена в течение конфликта между Корниловым и Керенским. Казаки чувствовали, что Керенский изменил им, и следовательно, не могли иметь слишком тёплых чувств к нему.

Мне стало ясно, что с этого времени дворец, вверенный им под попечение, находится на орбите политических событий. Первым из всего этого был тот факт, что как раз перед нашим появлением здесь, в небольшие помещения на первом этаже въехал комендант гарнизона. По этой причине, с того момента, когда я и мои друзья взяли ответственность за сохранение художественных сокровищ во дворце, мы безуспешно боролись с этой проблемой, предвидя возможные последствия.

Остаток дня 25 октября в Гатчине прошёл спокойно, но на следующий день до нас дошли слухи, что в столице произошёл большевистский государственный переворот и что Временное правительство в отсутствие своего главы было арестовано во время собрания в Зимнем дворце. Однако мы не знали ничего с уверенностью.

27 октября Керенский вернулся в Гатчину, сопровождаемый кавалерийской дивизией, которая шла за ним неохотно, поскольку уж для них он единственный представитель власти и потому, что необходимо бороться против беспорядков. Я всё ещё вижу Керенского входящим через ворота Кухонного кара, возглавляющего высших по чину офицеров с очень наполеоновским видом, его рука засунута между полами военного френча. Я наблюдал эту сцену из окна наверху. Керенский прошёл в квартиру коменданта, и я сошёл вниз справиться о его потребностях, поскольку я всё ещё был должностным лицом правительства, которое он возглавлял, и «хозяйном» дворца. Когда я вошёл, он только начал игру на небольшом бильярдном столе.

Перспектива расквартирования целой казачьей дивизии во дворце была безрадостной не только для меня: с музейной точки зрения было самым нежелательным допустить недисциплинированную толпу в здание. Дело было в том, что несколькими неделями ранее Верховный совет по делам искусства решил, что ввиду продвижения немецкой армии к Петербургу всё содержимое музеев столицы и её пригородов должно быть перевезено в Москву. Я был единственным членом совета, кто был против этой меры, и я навёл на себя недовольство своих коллег тем, что смотрел на художественные сокровища, как на интер-

национальные, и предпочитал видеть их невредимыми в музеях противника, чем погибшими на окончательно разрушенных русских железных дорогах. Даже в мирное время рискованное предприятие чревато опасностями из-за упаковки и погрузки множества хрупких предметов. В такие времена, как те, это представлялось полным безумием. Только чудом мир избежал чудовищной катастрофы: утраты примерно сорока Рембрандтов из Эрмитажа, всех его Рубенсов, Мадонны Рафаэля, всех золотых сокровищ юга России и т. п. Оставшись один при своей точке зрения, я позволил другим музеям упаковывать и грузить их сокровища, в то время как, под любыми предлогами, сам добивался отсрочки этой процедуры так долго, как возможно. Было легко найти оправдание: отсутствие имеющихся в распоряжении рабочих, упаковочных материалов и т. д. В конце концов, однако, я вынужден был, по крайней мере, проявить заботу об упаковке. Для этой цели многие ценные предметы были взяты из исторических комнат и перенесены на служебные площади Кухонного кара. Что, как это случилось, совпало с прибытием незваных гостей.

В эту первую ночь я выделил несколько комнат Керенскому, Краснову и высшим по чину офицерам, все из них, естественно, в Кухонном каре, строго изолированном от центрального здания и Арсенального кара. Весь остаток дивизии расположился лагерем под открытым небом на плацу перед дворцом; подушками казакам служили лошади. Я знал, что если пребывание войск в Гатчине продолжится, я не смогу дёшево отделаться. И это именно так и случилось: ночь за ночью у меня просыпалось всё больше и больше комнат, и ночь за ночью с помощью своих коллег я вынужден был перетаскивать предметы искусства из одной комнаты в другую. Спасибо Господу, что в течение этого времени солдаты продолжали проводить ночи снаружи; только офицеры пытались проникнуть во дворец. Таким образом, пока ещё не было слишком большого беспорядка, хотя мебель уже начала нести потери.

На рассвете «армия» выступила на битву. В этот момент Краснов был ещё в состоянии заставить Керенского, который жадно глотал успокаивающие средства, принять участие в этом рискованном предприятии. Наш день прошёл спокойно. Если бы положение дел было мне ясно в тот момент так, как стало ясно сорок восемь часов спустя, я бы, вероятно, принял иные меры предосторожности. К несчастью, мои руки были связаны. Обслуживающий персонал дворца был

настолько изучен таким количеством гостей, что я не мог заручиться их помощью. Таким образом, я мог рассчитывать только на своих научных коллег. Конечно, я предполагал, что у меня будут просить всё больше и больше места, но я не знал заранее, в какой именно степени.

Когда войска вернулись к ночи, вечерняя самоуверенность значительно ослабла. По-видимому, у Царского Села, где произошло столкновение с силами большевиков, сопротивление последних превзошло ожидания. Почти все гарнизон Петербурга сражался на их стороне. Артиллерийские снаряды пролетали над крышей дворца, но, к счастью, не попадали в него. Утомлённые в бою и несколько разочарованные офицеры не хотели спать снаружи несколько дольше, и я вынужден был дать им большую часть дворца, чем предполагал. Как я мог им объяснить, что в этом дворце, с его сотнями комнат, я не могу разместить их? Центральный корпус и Арсенальные каре я считал неприкосновенным и был в состоянии поддерживать это состояние до конца, но в Кухонном каре я был вынужден уступить комнату за комнатой. Я разместил по четверо или пятеро офицеров в каждой, и им пришлось устраиваться так, как они смогли, засыпая на диванах, краях или на чём попало.

Вечер принёс плохие новости. Все начали осознавать, что враг имеет превосходящие силы в своём распоряжении. Ночью солдат, который стоял на страже в коридоре, вбежал в комнату к одной из моих коллег, княгине Шаховской, оповещая, что большевики окружили дворец и будут обстреливать его артиллерией. «Мы все в смертельной опасности», — кричал он. Я тотчас проснулся. Мой первой заботой были предметы искусства; второй — мои коллеги, которым я настоятельно советовал тотчас же покинуть дворец и искать пристанище на ночь где-нибудь в городе. Мне не пришлось повторять эту просьбу, вмиг они все исчезли, за исключением княгини Шаховской, храброй женщины, которая вызвалась восхититься. Она отказалась следовать моему совету и настояла на том, чтобы остаться во дворце.

Ранее я составил списки наиболее

ценных предметов, которые в неизбежности опасности должны были быть убраны в безопасное место. Среди них было несколько картин, в том числе «Святое семейство» Ватто, редкая тема для этого художника. Позже этот холст был передан в Эрмитаж. Из фарфора там было несколько статуэток первого (Елизаветинского) периода Императорского фарфорового завода. Военные власти выделили в мой распоряжение автомобиль. Я загрузил его полностью и с помощью княгини Шаховской перевёз эти шедевры в дом Головина, управляющего делами дворца. Его жена очень возмущалась этим, боясь, что присутствие этих предметов в их доме может принести им личную опасность. Затем мы с княгиней вернулись во дворец, ожидая начала бомбардировки. Мы ждали, но ничего не происходило. Солнце восходило даже без тени врага.

Новости, которые дошли до нас на следующий день с «театра военных действий», были гнетущими. Далее тут не могло быть никакого сомнения: большевики становились сильнее. Тремя днями ранее никто бы не поверил этому. Игра была проиграна и, как результат осуществления этого, дисциплина среди офицеров, как и среди солдат, распалась минута за минутой. Я потерял контроль над зданиями, люди входили в них толпами. Когда там не хватало мебели, они использовали полы. Солдаты тоже проникли во дворец. Они заполнили коридоры, входили в комнаты и писали на картинах своими штыками: «Эта картина была осмотрена солдатом таким-то и таким-то». Только исторические комнаты оставались запёртыми, но это было моим небольшим утешением. В Кухонном каре было ещё много ценных предметов, приготовленных к упаковке. Кроме того, последнее поколение царской семьи, испытывающее отсутствие какого-то бы то ни было художественного вкуса, переместило работы прекрасных художников в служебные помещения, в те же время украшало стены своих собственных комнат открытками и изображениями красок, вырезанными из иллюстрированных журналов.

Единственным путём спасения этих предметов искусства было возвраще-

ние их обратно в исторические помещения, но это было не легко из-за нехватки рабочей силы.

Если память мне не изменяет, это было 31 октября. Я убедал, когда причался Кнриша¹⁶, говоря: «Пойдёмте, время, Керенский предан. Он должен бежать!». Мы вошли в его гостиную, его там не было. Мне сказали, что он переодевается в соседней комнате. Я ждал — время шло. Наконец мне сказали, что он уже уехал. Матрос дал ему свою форму. Керенский надел защитные очки и в таком виде прошёл мимо часового через ворота Кухонного каре, сел в машину и уехал. Спустя годы его записные книжки были найдены на печи в одной из комнат, которые он занимал, брошенные им там в беспорядке. Советские художники нарисовали картину, описывающую бегство Керенского из Гатчины: по их версии он переодевается в форму медицинской сестры, пока его адъютант скидывает бумагу в печь. Это вздор, поскольку в Гатчине не было армейских медсестёр, и во дворце не было раненых, доказательство того, что сражения были не очень кровавыми.

Тем временем переговоры с большевиками продолжались до вечера и закончились прибытием коммунистических эмиссаров во дворец. Вместе со своими товарищами из гатчинских Советов они приняли на себя командование. Казакам щедро разрешили вернуться на Дон, в то время как вышших по чину офицеров, возглавляемых Красновым, забрали на следующее утро в Петербург, в Смольный, откуда их вскоре выпустили на свободу¹⁷.

1917-й вихрем пронёсся по залам Гатчинского дворца. Тихая Гатчина, где всё дышало историей ушедших времён, где сохранялся романтический облик дворца и парков, вдруг оказалась в центре политических страстей и амбициозных споров. Монархисты, эсеры, большевики... Как мало они думали о реальных ценностях, о том, что в жизни носит непреодолимый характер.

Дворец и его художественная отделка серьёзно пострадали, но уничтожение ценностей искусства всё же началось не в 1917 году.

Примечания

1. Маркс К. Коммунистический манифест. М. 1986. С. 18.
2. Вестник. Временного правительства. 1917. 20 октября.
3. ГАРФ. Ф. 8810. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
4. Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 14.
5. Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
6. Там же. Д. 2. Л. 18.
7. Там же. Л. 36.
8. Там же. Оп. 6. Д. 1. Л. 34.
9. Личный архив. 1917. 28 июня.
10. ГАРФ. Ф. 2920. Оп. 2. Д. 3. Л. 61.

11. Gatchina — October 1917. Reminiscences By Count Valentin Zubov. The Russian Review, July 1969. P. 89.
12. Здесь и ниже цит. по: Керенский А. Гатчина. М. 1922.
13. Gatchina — October 1917. P. 289–302.
14. Федор Александрович Головин (1867–1937) — председатель Государственной думы, выдающийся член Конституционно-демократической партии кадетов. После Февральской революции был призван Временным правительством принять

- ответственность за сохранение императорских дворцов и их художественных сокровищ.
15. Михаил Иванович Ростопчев (1870–1952) — замечательный классический профессор античной истории и археологии Петербургского, Висконсинского и Иельского университетов (1925–1944), автор многих работ по истории и археологии.
16. Калитин Кнриша — адъютант А. Керенского.
17. Генерал Пётр Николаевич

Краснов (1869–1947) вскоре после своего освобождения бежал на Дон. В мае 1918 г. он был избран атаманом Донского казачества. После Гражданской войны эмигрировал в Германию, где во время Второй мировой войны помогал нацистскому правительству формировать казачьи соединения. Ветский 1945 г. был передан СССР британской армейской командованием в Линце, Австрия. В 1947 г. осужден Военным трибуналом в Казани.